

РОДИНА

*Кшень луговая,
Кшень полевая,
Боль штыковая,
Боль пулевая...*

Яков Шведов, 1941

В полях под Кшенью мы рассвет встречали.
Светился путь далёкий впереди,
И сказку-юность нам не омрачали
Чужие смертоносные дожди...
В полях твоих, земля моя родная,
Колосья мне шептали о любви...
В грядущем всех любивших поминая,
Ты моё имя с ними назови.

Посёлок станет городом когда-то,
Мой старый дом исчезнет без следа,
И новые рождаются здесь ребята,
И вспыхнет чья-то яркая звезда,
И станет небо россыпью жемчужной
Над этой вечной нивою гореть...
...В полях под Кшенью, если будет нужно,
За Родину
не страшно
умереть.

ЖУРАВКА

Над Журавкой* летят журавли
И курлычут в осенние дали...
Чьи-то души идут от земли,
Где любили, грешили, страдали...

Где был храм — лишь бурьян да кусты.
Меж деревьев на старом погосте —
Чьи-то звёзды и чьи-то кресты,
А под ними — истлевшие кости.

Им ни чести теперь, ни стыда,
Ни забот об “успехах колхоза”...
Но — восходит дневная звезда,
И в стихи превращается проза.

И теперь бывший школьный музей
Божьим храмом становится снова**,
И врагов обращает в друзей
В этом храме звучащее Слово...

Лишь о тяжких страданиях земли
И о людях, что их испытали,
Над Журавкой кричат журавли,
Улетая в осенние дали.

ПРОХОРОВКА

*Красная-красная кровь.
Через час — уже просто земля.
Через два — на ней цветы и трава.
Через три — она снова жива.*

Виктор Цой

Ах, сколько в Прохоровке крови!
Под плитами, в траве, в пыли...
Стою, смотрю, нахмутив брови,
Как пар восходит от земли.

Пар — словно дым и пыль, как порох.
И, до упора взведена,
Душа дрожит на каждый шорох:
Уж не вернулась ли война?..

* Село Журавка Прохоровского района Белгородской области — место моего первого священнического служения.

**Храм находился в здании бывшего школьного музея. Точнее, в здании церковно-приходской школы, которое было передано школе общеобразовательной после разрушения храма в 1930-х годах.

Звон колокольный болен, болен,
И ветер майский странно лют...
Под белый мрамор колоколен
Тюльпаны свет кровавый льют.

Час замер. Взорвана минута.
Вновь поле — страшный танкодром.
Раскаты мирного салюта
Иной напомнили мне гром...

Вот наших чувств непостоянство:
Когда они обострены,
Сместились время и пространство,
Огнём тех лет озарены.

Вот маршалы и рядовые
И с “той”, и с “этой” стороны
Вновь, ведь у Бога все — живые,
Уходят в будни боевые,
Присяге принятой верны.

И трудно мне из нашей нови
Для песни отыскать слова,
Что были б ярче и суровой.
Ах, сколько в Прохоровке крови!
Она — во мне. Она — жива!